

КРЕСТЬЯНСКОЕ ГОРЕ

Крестьянское горе. Рассказы и повести писателей-народников 70-80-х годов XIX века // "Детская литература", М., 1980
FB2: "rvvg ", 31 January 2012, version 1.0
UUID: 28DC3746-9671-40DC-BB91-DEDAAD4F0C50
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Иванович Наумов

Деревенский торгаш

Рассказы и повести писателей-народников 70-80-х годов XIX века, отображающие жизнь русского крестьянства в пореформенный период: разорение деревни и процесс ее капитализации.

Содержание

#1	0005
ПРИМЕЧАНИЯ	.0048

Деревенский торгаш *(Предпраздничные сцены)*

Накануне первого августа, спасова дня, называемого у пчеловодов медовым спасом, с раннего утра в нижнем этаже высокого деревянного дома, покосившегося от времени на сторону, раскрылось широкое окно со спускным ставнем, заменяющим прилавок в небольших лавочках, устраиваемых в домах. Лавочка, в которую хлынули теплые лучи солнца, была необширна и, как все деревенские лавочки, не отличалась ни обилием товара, ни щегольством обстановки. На шесте, прикрепленном к потолку, развешены были полушелковые ленты, бумажные опояски, женские платки, кожаные рукавицы, бродни [1], чарки, шапки и поярковые и войлочные шляпы. На полках, вколоченных в стены, в деревянных ящиках с надписью "Карамель" виднелись изюм, каленые и кедровые орехи и различных форм пряники, до того высохшие от времени, что и зубы простолюдина, не знающие порчи, с трудом разжевывали их. Вдоль стен гирляндами висели связки подобного же достоинства баранок и крендельков рядом с нанизанными на веревочках медными бляхами, кольцами и разною мелочью, на-

чиная от увесистого замка и кончая ружейной отверткой и пучками щетины для дротвы. Против окна, на самом видном месте, для соблазна девиц и молодых женщин были выставлены в ящике под стеклом бронзовые серьги с стеклянными подвесками, выдаваемыми при продаже за самоцветные камни, посеребренные массивные перстни и кольца с надписями внутри их: "Я твоя фартуна", "Самной надеш любовь па гроб", "Ни таскуй ни гарюй пака я с тобой" и т. п., какими обильно снабжает обширную Русь — вместе с самоварами, кремневыми винтовками и дробовиками — промышленная Тула. В этом же ящике лежали истертые в порошок свинцовые белила, тонкие плиточки разноцветных мыл и банки с помадой фабрики г. Мусатова, утратившей за давностью всякий букет, кроме сального. Вот и все, что привлекало внимание при взгляде во внутренность лавочки.

Но всего рельефнее бросилась бы в глаза любопытному выдающаяся из окна ее, как из рамы, наружность владельца лавочки — человека пожилых лет, с пухлою белою физиономией, какими преимущественно отлича-

ются люди, торгующие по купеческим свидетельствам. Узенькие заплывшие глаза его ярко светились из-за густых русых бровей, всегда судорожно сжимавшихся у переносья, когда на толстых губах мелькала улыбка; в каждой черте этого лица, обрамленного красивой окладистой бородой, проглядывали самоуверенная ирония и то мелочное и, если можно так выразиться, грошное лукавство, составляющее особую типичную черту торгашей и барышников.

Прохор Игнатъич Белкин, по-уличному называемый "Петлей", лет за шесть или за семь до описываемого мною времени выселился из г. Кузнецка в село Локти и открыл в нем лавочку, с которой мы только что познакомились. Как человек сметливый, имевший некогда лабаз в городе, он скоро освоился с характером сельского населения и с чувствительными местами окружающих его экономических условий и в короткое время не только для Локтей, где купил дом и завелся прочным оседлым хозяйством, но и для окрестных сел и деревень сумел сделаться самою насущною необходимостью. Он скупал у крестьян, поль-

зуюсь постоянною нуждою их в деньгах, по мелочам мед, воск, хлеб и другие продукты, какими богат Кузнецкий округ; брал и скот, задавал деньги инородцам под зимний улов зверя и ежегодно по первому зимнему пути отправлял купленный по мелочам и за бесценок товар значительными обозами в Томск, где продавал с тройной выгодой. Давал он и деньги в ссуду застигнутым какою-нибудь крайностью крестьянам: приезжали ли, например, волостные чины за сбором податей, — угрожаемые розгами в случае неуплаты денег неимущие шли к нему; падал ли у кого скот — он не отказывал просителю в деньгах на покупку нового, но только благодетельствованные им мужички долго потом не могли оправиться от его обязательной ссуды и немало дивились, причесывая затылки, нарастающим процентам, хотя предусмотрительный Прохор Игнатъич всегда умалчивал о них при ссуде.

И в несколько лет небольшой вывезенный им капиталец благодаря подобному ведению дел возрос до значительного, а с расширением оптовых операций Прохор Игнатъич и не

сидел уже в лавочке, предоставляя мелочную торговлю супруге своей. Но накануне спаса, храмового съезжего праздника в Локтях, он, усердно перекрестившись на все четыре стороны, сам открыл окно, или прилавок, и сидел в ожидании не покупателей, а более продавцов своего товара из нужды в деньгах ради праздника; а что они будут, он знал по опыту предшествовавших лет.

Задолго еще до рассвета и в богатых домах, и в бедных избах обитателей села Локти проснулась в этот день жизнь, но не обыденная с ее незатейливыми требованиями, а полная предпраздничных приготовлений и хлопот. Везде мыли и выскабливали полы, лавки и подоконья, подбеливали печи и стены.

Из труб клубами валил дым, разнося по селу жирный запах варившихся щей или приготавливаемого студня. То на том, то на другом дворе раздавался жалобный предсмертный крик закалываемого поросенка или курицы или тревожное га-а-га-а-га избегавшего поимки гуся. Около изб на шестах, продернутых между плетней и заборов, проветривались нарядные платья и шушуны, вынимаемые из

кованных сундуков только в годовые праздники.

Пологий берег речки, протекавшей за селом, тихий и пустынный в другие дни, ожил от кипевшей на нем деятельности; ярко сияли медные самовары, иконы и кресты, вычищенные для праздника квасною гущей с песком; говор и смех чистивших их женщин и девушек, перемывавших вместе с ними и деревянную посуду или тут же на реке потрошивших свежую рыбу и только что заколотую птицу для праздничных пирогов, визг и плескание детей, бродивших в воде с засученными на груди рубахами, хлопанье вальков по намоченному белью, покрываемое порою резким стуком плотничных топоров, свистом пилы или криками плотников: "Ну-ну, наваливай, при-и, при... при-и, при!", устраивавших наскоро Иордан[2] по найму от церкви.

Местами по берегу высоко поднимавшиеся столбы черного дыма от костров, на которых опаливали только что освежеванных свиней, придавали всей этой картине оригинальный колорит, полный какого-то девственного юмора. Из узеньких, ничем не прикрытых

окон бань, кучками разбросанных по берегу вдали от жилых строений, поминутно слышалось: "Тя-а-а-тя-тя... о-о-о... га-га-га... Пожги его, пожги!.." — и другие крики парильщиков, раздававшиеся под хвощ свежих березовых веников. Не стесняясь нескромных взглядов, и старушки и молодые женщины, едва прикрывшись, перебегали из бань через улицу, а мужья их прямо из бань бросались в холодные речные струи, ныряя и перекидываясь острым словцом с работавшими на берегу молодыми девушками.

На паперти старинной каменной церкви, стоявшей на окраине села среди зеленеющей площади, трапезник с засученными выше локтя рукавами у рубахи также чистил тряпичей с мелко натертым кирпичом иконы в старинных серебряных ризах, подсвечники и кадилальники, сложенные в кучу около корыта с квасною гущею, какой он обливал их перед чисткой, а причетник, молодой еще человек, в ситцевом халате, в сапожных опорках, надетых на босую ногу, выхлопывал от пыли рясы, епитрахили и покровы с аналоев[3]. Неподалеку от церкви, в пустом амбаре, примы-

товар и принимал от других под залог или вместо денег приносимую ими живность и вещи. С каждым он находил о чем поговорить, а если пришедший был проще других, то не отказывал себе в удовольствии и подшутить над простотою его.

— Отдавай мед-то по три за пуд, а? — уговаривал он пожилого крестьянина в ситцевой, густо пропотевшей на спине рубахе, стоявшего у прилавка.

— Божий ты человек, ведь мед-то в семь рублей пуд, суди-ко, — ответил он болезненно-ноющим голосом. — Проезжающий ноне сказывал: береги, говорит, в цене мед-то!

— Ну, коли в цене, то мне не надоть!..

— Прохор Игнатъич... и ей-богу... мне бы всего три рублика, сделл... милость, по гробб!..

— Отдавай мед — ссужу.

— Убытошно, родимый... положь хоша по шести-то?

— Убытошно-то, убытошно — это чего говорить, да и деньги-то ноне на полу не валяются! — ответил Прохор Игнатъич тоном, в котором звучно задребезжала нота: "Убыточ-

но, а все-таки от нужды отдашь!"

Понял эту ноту и мужичок и молча почесал затылок.

— А-ах, убыток! — произнес он после минутного раздумья. — Положь хоша по пяти-то с полтиной, а? — робко спросил он, глядя на него заискивающим расположения взглядом, какой невольно свойствен бедняку, поставленному в безвыходную зависимость от богатого и сильного человека.

— Есть ли шляпы-то? — спросил в это время, подходя к прилавку и здороваясь с Прохором Игнатьичем, крестьянин средних лет, с добродушно-наивным выражением в плоском лице, обрамленном рыжею бородою. — Купил нонись в городе, да прорвалась, братец, а праздник!..

Прохор Игнатьич молча сдернул с полки и подал ему три поярковых шляпы.

— Отдаешь, што ли? — обратился он к первому, пока вновь пришедший примеривал шляпы, осматривая и тульи, и поля их к свету.

— Убыток!..

— А ты бы подороже хотел, ась? При ну-

же-то, брат, с лихвой не продашь: куды хошь поди!

— А што, к примеру, за эфтакую снасть? — улыбаясь и потряхивая на голове надетой шляпой, спросил покупатель.

— С другого бы полтину, а с тебя семь гривен! — ответил он, не глядя на него.

— Ох, ешь те мухи!.. За какие провины?

— На то шляпа! Таперича, коли ты в эфтакой шляпе, то знаешь, все девки засмотрятся...

— Оно бы... и-и... на руку, да баба-то у меня...

— С полымя рвет?

— Ржа*.. Ну, полтину-то, кругля счет, а? — спросил он, снимая ее и снова осматривая к свету.

— Не по пути ездись — ободья сотрешь... Меньше семи таперича эфтакой шляпы и в городе не купишь, потому, видишь, и фабрикант, если тебе растолковать, первеющий — одно слово, сорт-шляпа: гляди! — говорил он, указывая ему на приклеенный внутри шляпы ярлычок.

— Полтина-то с пятаком за глаза бы, а?..

— С тобой на полтину-то одного разговору израсходуешь!..

— Прохор Игнатч! сделл... милость... не держи; и ей-богу, нужна! — ноющим голосом прервал его первый.

— Нешто ты привязан? Отдавай мед, и деньги в руки: чего ныть-то?..

— Бог с тобой!..

— Вестимо, без бога куда бы? — тварь и та его славословит. А гумашка-то так и просится к тебе: а-а-а-а!.. погляди-ка... — проговорил он, помахивая перед его глазами трехрублевой ассигнацией, незаметно вынутой им из ящика.

Вскользь посмотрев на нее, мужик отвел глаза в сторону.

— Новенькая, а-ах! Куй ее, Ваня... хруст-то один дороже денег... да ты погляди, небось... не укусит ведь!.. — смеясь, уговаривал он мужичка, из груди которого вырвался вместо ответа глубокий вздох.

— Народ-то ноне, а?.. И от денег в отпор!.. — заметил, тряхнув головой, покупатель шляпы.

— Народ ноне за-а-ноза: спеси, што грибов

весной!..

— Так сколько, бишь, тебе за шляпу-то, ась?..

— Сказано — семь!..

— Во-о!.. И шесть-то по суседству — харч добрый?.. — загибая полу армяка и доставая кожаный кисет с медными кольцами на длинных ремнях, спросил он.

— С которого ты боку сусед-то мне?

— Э!.. Нешто не в одной поскотине-то!..

— Ну, экого пригульного-то живота, как ты, в суседи-то много найдется, только распахни карман!.. — ответил он, пересчитывая поданные тем деньги. — А гривна-то где?..

— Какая?.. — с удивлением спросил тот.

— Ты шесть только дал...

— Неуж... а-а?.. обчелся...

— Знаем мы, как вы обсчитываетесь! Давай... давай!

— Будет, поди, шести-то, а?

— Ну, ну, нечего... молод фигуры-то подводить... допреж у попадьи научись... как с чужих горшков сметану снимать... вываливай-ко!..

— Я бы того... ей-богу, слышь, донесу

опосля...

— О-о, штоб тебе... купит на грош, да на рубль наломається... подавай шляпу... Рылом ишо не вышел носить их.

— И жадный же... у-ух!.. — произнес мужик, снова доставая кисет и отсчитывая ему недоданную гривну.

— Вот и учись оболванивать-то!.. — начал Прохор Игнатъ-ич, опуская деньги в ящик. — Шляпа-то всего сорок копеек стоит, а ты семь гривен дал: э-эх, наземный дворянин!..

— Соро-ок? — удивленно спросил мужик.

— И ей-богу, ха-ха-ха!..

— Врешь? — с выражением мучительного беспокойства снова спросил тот.

Но Прохор Игнатъич залился уже звонким дребезжащим хохотом; даже на унылом лице крестьянина, продававшего мед, мелькнуло что-то вроде улыбки.

— Дру-уг, неуж взаболь?.. — снова обратился он к Прохору Игнатъичу, когда взрыв хохота его стих и только по временам вылетали оторванные, однозвучные всхлипывания.

— Тут так и друг, а-а... спужалси... — снова ответил он, отирая с глаз слезы, вызванные

смехом.

— Спужался, и ей-богу!., наживная копейка-то, и то Федору Силычу корову запродавал. Оно шутка, што ль, ни за што отдать? три гривны... накла-адно!.. хе... де-еньги!.. — говорил он, отходя от прилавка с надетой на голове шляпой и видимо повеселев.

— Будь ты по-божески, Прохор Игнатъич! — приступил по уходе его мужичок, продававший мед. — Дай хоша по пяти-то с полтиной... не зори для праздника.

— Не струна, болезный!.. — с жалостью в голосе ответил ему Прохор Игнатъич и пристально посмотрел на пожилого крестьянина, подошедшего к прилавку и молча облокотившегося на него.

— Неуж ты по четыре пуд хошь?

— Нужа, так и по три отдашь!..

— Сдел... милость... надбавь хошь рублик-то... для ребяток-то малых...

— Не фартуна, товарищ!..

— А-ах, бог с тобой!.. — ответил тот надорванным голосом, всплеснув руками по бедрам, и через мгновение, как будто машинально приняв из руки Прохора Игнатъича но-

венькую трехрублевку, соблазнительно мелькавшую перед его глазами, долго и пристально всматривался в нее, как бы вникая в смысл скрытой в ней силы.

— Так и думал, што ты с деньгами придешь: левая ладонь иззудилась... што, мол, за грех? Никак, Митрофан придет!.. — прищурившись, обратился Прохор Игнатьич ко вновь пришедшему, пока продавший мед мужичок, завернув в тряпицу бумажку, положил ее за пазуху и, не поклонившись своему благодетелю, отошел от прилавка.

— Нету, друг!.. — ответил Митрофан.

— А ты, помнится, к спасу сулил отдать, а?..

— Прогорел... не сбился деньгами-то... обожди: ужо я тебе первому; сам то-ись, без рубахи буду, а тебе отдам! Не купишь ли нетель?

— Большая?

— Полуторник!..

— Што ж... коли ценой выйдет, можно!

— От хорошей коровы-то: другому бы и не продал; и баба-то на племя хотела оставить, да нужна, нужна, друг, совсем заела; рубля два дашь?

— Веди!..

— Добрая нетель-то!

— Веди, веди: пощупаем...

Митрофан еще что-то хотел сказать, но только тряхнул головой и побежал вдоль улицы. По уходе его Прохор Игнатъич достал из простеночного шкафа толстую книгу в кожаном, истрепавшемся от времени переплете, исписанную гвоздеобразными буквами и цифрами, выроставшими для крестьян в неоплатные долги. Надев круглые очки в медной оправе, он медленно перелистывал ее. К прилавку подошла девушка в простой холщовой рубаше и юбке, с красным платком, повязанным на голове, концы которого, падая на полную грудь, прикрывали ее.

— А-а, Марьюшка... не путем ли дорожкой? — встретил он, протягивая ей руку.

Она стыдливо потупилась.

— Спеси-ива... ну, ну, не стыдись... Я ведь расхожий мужик-то... — и он щипнул ее около одного из концов платка.

Закрасневшись еще сильнее, девушка отодвинулась от прилавка, прикрыв грудь руками.

— Хе-хе-хе!.. — и слезящиеся глаза Прохора Игнатъича впились в нее. — Перстенок, штоль? — спросил он.

— Чайку бабушка просила!.. — тихо ответила она.

— Золотничок небось... да сахару на приглядку, а? А перстенок-то... глянь-ко... а-ах, распори его вилами, ж-жа-ар!.. — вынув один из перстней и повертев им перед глазами, говорил он. — Купи!

— На какие деньги-то? — тихо спросила она.

— Эфтакой крале можно и в долг поверить: не пропадет... — и он подмигнул ей: — подарить, а?

— Не надоть!.. — искоса взглянув на него, прошептала она.

— Того бы, а? А перстенок-то, а-ах!.. Да ты не бойсь: поквитались бы!.. Што стар-то... да ты не брезгуй... бородой-то не колет... иной старый-то лучше молодого... а? — И он залился силным, грязным хохотом.

Окончательно сконфуженная, девушка закрыла лицо концами платка.

— И как ни взглянешь на Прохора, все-то

он с девками!.. — шутливо произнес подошедший крестьянин с новой сыромятной сбруей на плече, украшенной кольцами и бляхами.

— Не с тобой ли язык точить? — желчно отозвался он, пряча перстень в ящик и снимая весы, подвешенные к потолку за одну из цепей. — Копейка-то в недоимку пойдет, а? — спросил он у Марьи, принимая положенный ею на прилавок медный пятак.

— Я скажу ужо бабушке!..

— Скажи, штоб она напередки глаза-то гущей протирала... не впервой берет, знает цену-то!.. А ты куда это со сбруей-то? — спросил он крестьянина, когда, подобрав сверток с чаем, девушка ушла.

— К тебе... авось, думаю, рублик дашь!..

— Што, мало? — спросил он, пристально осмотрев сбрую.

— Будет!..

— Проси боле, не робей!.. В Москве не бывал?

— Нет!

— Съезди!..

— Зачем?

— Науку произойдешь... там, слышать, тол-

сто куют, да тонко носится; тогда уж и приходи в долг под сбрую просить, оболванишь!..

— Ты ремни-то огляди: кто тебя болванит? Неуж не стоит рубля-то? — вытягивая перед ним длинные, упругие ремни ее, говорил он. — Одной меди-то на рубль будет: чего боишься? отдам!..

— Я вашу-то отдачу давно уж на воде мылом записываю; ноне у меня другие порядки...

— О-о!..

— Так точно!..

— Никак, к меду приговариваешься!..

— Неси: отведаем!..

— Меда у меня, то-ись... язык проглотишь...

— Не бойсь... он у нас крепко привязан!..

— Так не берешь сбруи-то, а?

— К зиме приноси; две гривны дам!..

— За экую-то сбрую две гривны, а? Фю-у-у!..

видать тоже, московский-то трахт топтал, — говорил он, отходя от прилавка, но, дойдя до середины улицы, остановился.

Крестьяне, выметавшие улицу, криками и хохотом встретили в это время Митрофана,

который вел телку; конец веревки был обвязан узлом на шее. Упиравшаяся телка, с ревом прыгая в стороны, мотала головой, стараясь высвободить голову и увлекая за собой своего вожатого. Едва он подтащил ее к воротам, Прохор Игнатьич спустил ставень и вышел во двор.

— Ну и божья скотинка, упарила!.. — снимая теплую шапку и отирая крупный пот со лба полой рубахи, говорил он, не выпуская все-таки из рук конца веревки, между тем как Прохор Игнатьич, подойдя к телке, осматривал ее, щупая у нее копец хвоста и выпуклости на лбу.

— Веди в стайку!.. — сказал он, видимо оставшись доволен осмотром ее, и, войдя в лавку, спустил прилавок, около которого стоял уже закладчик сбруи.

— Почему ты меда-то берешь? — спросил он, едва Прохор Игнатьич укрепил на крючья спущенный прилавок.

— По меду и цена, милый друг... разговор один... — с улыбкой ответил он.

— Сле-езница мед-то!..

— И слеза-то, друг, разная бывает: ино дело

девичьи, ино — мужичьи; каков на скус?..
Скажи-ко...

— Отменный!.. Верь... для тебя только за восемь рублей пуд отдам!..

— А-а!.. видать, што сладкой!.. — с иронией произнес Прохор Игнатьич, пристально смотря на него.

— Сластена! Говорю, язык проглотишь...

— Не носи, коли так...

— О-о!.. што ж?..

— Боюсь за язык... и в самом деле, этак съешь его и не услышишь, а наше дело торговое: куды пойдешь без языка?.. Уж подожду какого ни на есть подешевле... этак рублика в три!..

— В три-и?.. Да где ты экого возьмешь? — с удивлением спросил мужик.

— Деревня-то велика и праздник-то завтра не малый: кто ни на есть и навернется; а ты сбегай-ка к Захарке, спроси, за какую цену он мне мед-то продал, а его меда лучше твоих и мужик-то он на вид показистей тебя... — прищурившись, с насмешкой в голосе говорил Прохор Игнатьич.

— Это Захарка-то?.. — обидчиво спросил

тот.

— Захарка!.. У него одного ума в беремья не обхватишь!..

— У Захарки-то?..

— У Захарки. С ним таперича и дела вольготно вести: не ломается, все порядки знает; таперича супротив Захаркиных медов во всем околотке не найдешь!..

— А-а!.. — с обидчивой в свою очередь иронией протянул тот.

— Верное слово... и то он по три рубля пуд отдал, а твои-то меда я знаю!..

— Худые нешто? — с сарказмом спросил он.

— Окромья тьфу... и речи не найдешь!.. Одного сору не оберешься!..

— О-о... Гляди ж!..

— Так точно... твой мед супротив захарки-на што деготь супротив божьей росы, а тоже восемь рублей за пуд ломишь, хе-хе-е... Смешной ты человек, с которого боку ни посмотри на тебя!

— Это я-то?.. — конфузливо взглянув на него, спросил мужик.

— Окромья тебя, кому ж за хвасню в побав-

сенку войти!..

— А ты знаешь, што мой мед таперича настоящий липовый, а Захаркин со всякой травы, а? — вдруг весь вспыхнув и от внутреннего волнения вскинув шапку на затылок, спросил он, задетый за живую струну своего самолюбия. — Штобы это таперича мой мед да хуже Захаркина!.. — с расстановкой повторил он. — Стоо-ой!.. Хошь об заклад? Я те такого меду пуд принесу, што твоему Захарке от завиди лопнуть, а? — решительно спросил мужик, протягивая ему руку.

— Неси, отведаем!..

— Пропадай и цена, коли на то пошло... штобы таперича мои да хуже Захаркиных, а? Да ты с мово меду-то пальцы оближешь, вот што-о!.. — говорил он, возвышая голос от экстаза, в который постепенно входил.

— Неси, неси: посмотрим, оближем аль нет!.. — насмешливо подстрекал его Прохор Игнатьич.

— Не-ет... Я те за три-то рубля мед дам — язык проглотишь!.. Захарка... хе... нашо-о-ол!.. Мой-то пасек исконный, а его — без году неделя, да штобы его меда лучше моих... пого-

ди-и-и!

— Ты неси наперво, а потом уж кудахтай... што яичко снес... Слышь?..

— Принесе-ом!.. Штобы Захарка... Сто-ой!..

Но Прохор Игнатъич вместо ответа залился своим дребезжащим хохотом, которого, впрочем, оскорбленный пчеловод, по-видимому, не слышал. Весь поглощенный мыслью об унижительном сравнении, он, бессознательно поправив шапку на голове, отошел от прилавка, бормоча: "Подожди-и... я ужо!.."

— Видал дураков!.. — произнес вслед ему Прохор Игнатъич, обратившись к Митрофану, который давно стоял поодаль от окна, терпеливо прижавшись к стенке.

— На миру-то чего не увидишь!.. — уклончиво ответил он, подходя к прилавку.

— Принесет!.. даром отдаст, только похвали... за-а-дор-ный!.. — И Прохор Игнатъич снова заколыхался от смеха. — О-ох, горе с этими деньгами: только творение бессловесное не стяжает!.. — со вздохом произнес он вдруг после непродолжительной паузы, облокотившись всем корпусом на прилавок, но в глазах его сверкнула совершенно противоположная

его философскому настроению мысль. — И ты, поди, вот денег ждешь, а по моему счету, никак, с тебя доводится, а?

— Прохор Игнатъич!.. — испуганно проговорил Митрофан. — Обожди, сердешный!..

— Но докедова ждать-то, милый! Денежка, што корова, уход любит; раз не подой ее вовремя, да другой, да в третий, так и с молоком протись, — доставая знакомую уж нам книгу в кожаном переплете, повторил он. — Ты к святой пять рублей брал — сулил к лету отдать, да в июле два рубля на подать с посулом к спасу принести?..

— Не справился... верь!..

— Об этом разговор опосля пойдет!.. — прервал его Прохор Игнатъич, проложив с книги на больших счетах цифру "семь" рублей.

Митрофан молча с любопытством следил за ним.

— Ржи-то восемь пудов принес да льну два, почем кладешь пуд-то?..

— Рожь-то о ту пору с лишним три гривны была!..

— А лен?..

— Восемь гривенок положь за пуд-то, и то

уж по знакомству будто, а то все бы с рублик надоть.

Проخور Игнатъич, быстро сделав расчет на счетах, сбросил с цифры "семь" два рубля.

— С рубль-то останется ли за мной? — спросил Митрофан.

— Поболе, друг.

— Откедова это так? — с изумлением спросил он.

— На то счет... Складывай по пальцам. Брал ты у меня семь рублей.

— Семь!..

— По пятнадцати копеек пуд ржи — сколь?.. Рубль двадцать?

— По пятнадцати-и-и... Што ты, што ты кладешь это?.. — с удивлением произнес он.

— Ну, сбросим, коль много!..

— И тридцать-то в убыток... Андели с тобой!

— Убыток, а-а!..

— Слезный... и ей-богу... ведь и по тридцать-то уж я по знакомству тебе отдаю!..

— Значит, ты свою линию соблюдаешь?..
подавай деньги начисто, и весь расчет в эф-том!..

— Прохор Игнатъич... што ж это?.. А-ах ты господи!.. По пятнадцати копеек пудовка ржи... есть ли бог-то у тебя?.. Слыхали ли, добрые люди? — всплеснув руками, обратился он к улице; но улица была совершенно пуста, и из добрых людей, знакомых с порядками Прохора Игнатъича, никого не было на ней.

Прохор Игнатъич тем временем спокойно закрыл книгу и, неторопливо положив ее в шкаф, возвратился к прилавку.

— Не напасть ли это?.. Уважь хоть для праздника-то, родимый!..

— Сущее безобразие! Таперича возьми нечисть — свинью, и у той есь анбиция... тьфу-у... — и он желчно плюнул. — Што ты жалобишься-то, а?.. Где болит?

— Как не болеть?.. За што ты зоришь?.. — и в надорванном голосе Митрофана послышались слезы.

— Кто кланялся... когда деньги брал, ты аль я? Возьми-де: карманы трут, а?..

— Нужа — так не токма поклонишься, слезами всплакнешь!..

— Э!.. А как ты таперича касательно тоись своего ума... твои это деньги аль чьи?..

— Твои, кто говорит!.. так я... тово...

— Мои-и-и... а-а?.. Значит, ты мне их в карман не клал?..

— Из каких достатков-то по чужим карманам свое добро совать? И своих бы дыр... досыта... добра-то нет, а прорех-то много!..

— Послушать, какую ты мне отповедь скажешь, к примеру, на эфтакую притчу: взял бы я, значит, у тебя семь рублей да опосля бы того и заны-ыл: Митрофан Василич, так и так, мол... сердечный друг мой о пяти копытах, есь промеж нас счет, сиречь недоимочка: семко, принесу я те восемь пудов ржи, да два пуда ленку, да комолую телку без хвоста в придачу...

— К примеру, што ж?.. — прервал тот.

— К примеру-то мы притчу гоним: распахни уши-то... на то и вырастил с капустный лист, и трахтую бы: рожь-то, мол, ты бери по три гривны, потому, значит, мне такая линия, ленто бы по знакомству без мало рубль, а уж телку-то, хошь и красная цена ей восемь гривен, ну, да для тебя будто за два рубля отдаю, а остальное, значит, в отвиляе месяце, што в одном году с Касьяном живет, счет сведем, а

на том свете расплатимся. Нутко-сь, размахни умом-то разумом!.. а?

— Што ж? По душе, значит!..

— Чего?..

— К примеру, чего говорил-то!

— А што я говорил-то, оповести?..

— Ну, значит, што ж? Пошто не подождать, к примеру, если бы ты и того... не ровен час, все под богом! — с расстановкой отвечал он.

— Фатюй ты, фатюй, вся то-ись и цена-то тебе вытертый грош!.. Не обида ли таперича с вами, дураками, дело вести, а?.. Ну какое у вас есть понятие касательно уважения за добро, а?.. И ума в обиду бог дал, а все норовите под свой ноготь!.. И вот тебе мое последнее слово: или подавай деньги, или подь с богом и не знай меня, слышал?.. — резко-визгливым тоном произнес в заключение Прохор Игнатич.

— Грабь, грабь, твоя воля!.. — со вздохом ответил Митрофан.

— Что-о?..

— Грабь, говорю, хватай на гроб, авось с грабежу-то горой раздует!.. Петля — так петля и есть: дави мир-то на свою душу, грабитель!..

— А-а!.. с-сто-ой... — И Прохор Игнатъич, весь позеленев, быстро спустил ставень и, выскочив из лавки, побежал к воротам; но, когда он отворил калитку, Митрофан, сорвавший свое горе бранью, поспешно шагал уже в конце улицы. "А-а... вор, при-де-ш!.." — процедил он сквозь зубы вслед ему и, почесавши около пояса, с сердцем захлопнул калитку.

—
Прохору Игнатъичу не в первый раз приводилось слышать подобную оценку своей деятельности от бедняков, попавших в зависимость к нему. Но, сознавая свое превосходство над этим людом, стоявшим, по его понятиям, ниже всякой нечисти, он снисходительно относился и к брани их, зная, что нужда приведет оскорбителя с повинной к нему и даст ему случай в возмездие за оскорбление нажать лишний рубль. Прохор Игнатъич был человек практический, с своеобразно выработанными принципами и взглядами на социальные отношения.

— Таперича энтог самый Митрошка, — говорил он спустя несколько времени после

описанной нами сцены стоявшему у прилавка тщедушному и подслеповатому старику, выплакавшему у него рубль под будущий умолот хлеба, — придет и наклоняется, и ей-богу, в ноги наклоняется!..

— Наклоняется!.. — прожевал в ответ старик.

— Ну, куда он пойдет таперича, коли за податью приедут, а?..

— Наклоняется!.. — снова повторил старик.

— Крут я сердцем, дядя Василий, да одно горе — жалослив: увижу, человек убивается — и изнимает меня этакая самая жалость, и прощу...

— Как не взять жалости, особливо когда дерут...

— Это точно!

— Беда энто, как станут драть: вчуже сердце изноет!.. Прости же; дай бог тебе; я ужо то-ись беспрременно.

— Не хвались до время; на посуле-то вы все — как на стуле!..

— То-ись, как смолочу, верное тебе слово. Я на отдачу легкой... Но-очей не сплю, убиваюсь.

— Ну, ну, когда принесешь, тогда уж похвалим, а то не ровен час... изурочим тебя, — с иронией ответил он кланявшемуся старику.

Всем проходящим Прохор Игнатьич рассказывал, только с различными вариациями, о неблагодарном поступке с ним Митрофана, назидательно добавляя в конце каждому просителю: "Вот и делай добро вашему брату!" Только когда мужичок, приносивший сбрую, принес обещанный им мед в небольшой бадьеке, Прохор Игнатьич почему-то умолчал перед ним о сцене с Митрофаном.

— И взаболь с медом, а-а!.. Грешный человек... думал, ты только хвасней мою душу тешил!.. — весело встретил его Прохор Игнатьич. — Ну-ко, ну-ко: пожуем, каков он у тебя?

— Отведай-ко!.. — ответил тот тоном человека, который чувствует, что и в нем имеют нужду, поставив на прилавок бадью и снимая с нее крышку. — Давай-ко ложку!

— И пальцами живет...

— Давай; уж я знаю на што!..

— Ну-ну, возьми, побалуй: куда тебя девать-то!.. — И, взяв из большой хлебной чашки одну из новых деревянных ложек, он по-

дал ему.

Зачерпнув из бадьи меду на ложку, тот поднял ее к свету высоко над бадьей, и чистый, прозрачный, как янтарь, мед свис с ложки в виде сталактита.

— Што-о-о?.. — горделиво спросил он, любуясь им. — Сорный, ась?.. У Захарки, скажешь, такой же?..

— У всякого свой сорт, братец!..

— Такой же, што ль, ну-ко?..

— Энтот почище... чего говорить? И тебя похвалить надоть!..

— А-а!.. А ну-ко, поешь!

— Закусим... ужо хлебца бы!

— Ешь, не разорвет; мед-слеза!..

— Сжога живет у меня со сластены-то!

— Е-ешь!.. не ломайся!.. — И, зачерпнув меду на ложку, он подал ему.

— Ин быть по-твоему!.. — И, перекрестившись, Прохор Игнатъич слизнул мед с ложки и медленно засмаковал его.

— Што-о? Не липа, а?..

— Скус... того... точно!.. — медленно и, видимо, с наслаждением глотая его, ответил Прохор Игнатъич.

— У Захарки небось энтакой же, ну-ко?

— Што ты Захаркой-то мне в нос тычешь... Энто, братец, значит, по сорту, таперича хоша бы всякий товар возьми, оно выходит — и доброты одной, и цены одной, а потому только сорт!..

— Твоему Захарке... знаешь што, а?.. Вот штоб мне лопнуть, с места вот штоб мне не сойти... экого меду в жисть не видать. Захарка, хе-е!.. Мой мед таперича в Бейске аль в Томске, да куды хошь поди, на том стою!.. Захарка!.. У меня заведёнье-то, слава те, господи, отцовское; наша-то пчела таперича, если тебе сказать, какая она...

— А какая?.. — с иронией прервал Прохор Игнатъич, все время молча слушавший его.

— Какая?.. то... то... наша-то пчела, знашь таперича, што...

— Пчела как пчела!.. Известно, творение у всех одной масти...

— Одной!.. Нет, видать, не одно-ой... Наша-то пчела таперича, к примеру сказать, самая... п-палитурная!.. А то у Захарки!.. Захарке-то до энтаких медов ишшо расти и расти надоть!..

— Э-эх ты-ы... Мартын малоперый! — качая головой, прервал его Прохор Игнатъич. — Слушаю это я твой разговор и в толк не пойму единственно по неразумению!.. Мед как мед, пчела как пчела — и весь разговор; и никакой то-ись особенности нет, окромя, значит, той, что у всех избы в шапках, а на твоей зимой и летом плешь!..

— Изба!.. Ты на завод гляди!..

— Любопытно, где он!.. то-ись, в каком у тебя царстве... Покажешь?.. Из-под ручки гляну!..

— А пасек-то!.. нешто не завод?..

— Богатей!.. чего!.. трем-то бабам унести ли в подолах завод-то энтот, а?..

— Смейся-а-а! — обидчиво ответил он, весь покраснев.

— Слушать-то тошно!.. смерть это моя... как ваш брат ломаться начнет... то-ись... вот тьфу!.. и весь ты тут, а тоже: я-ста да мы-сто!.. Говори-ко лучше, што за пуд-то хошь... сулил по три отдать!.. За ценой не гнаться!

— Ка-а-ак?? За экой-то мед такая цена?.. Бери его с глаз!..

— О-о... што круто больно!..

— Бери, бери и глаз моих без пути не мозоль, ступай и с ним вместе... только мух нагнал... товар опакостят!.. — желчно произнес он.

— Ты говори!..

— Даром-то зубы языком обивать ста-ану?.. Жди!.. Берешь три — и деньги возьми: нет — отваливай... разговор короткий!

— Все ж поговорить надоть...

— Хвасню твою на уши мотать, што ль?..

— Как же оно так-то?.. Этак-то ты настоящую цену клади!

— Говорил я тебе аль нет?..

— Говорил... да эк-то, брат, накла-а-а-адно!..

— И поди с богом. Иного разговору не будет?

— Поторгуемся... не так же с ветру... зря, значит...

— Разговаривай... послушаем...

— Накла-а-а-адно... эк-то!.. и ей-богу!..

— Мы уж слышали это, а ты вот новое слово выдумай... попотей!..

— Какое ишшо слово?..

— Бери-ко бадью-то!.. Киш вы... о-о, штоб вас, тьфу-у! В самый рот... а-а-а, нечисть...

тъфу!.. — говорил он, отплеываясь от залетевшей в рот мухи и отмахивая их от усов, на которых налип мед. — Ну, што стоишь?.. Где зудится?.. — насмешливо спросил он.

— Нет, брат, эк-то станешь продавать свое добро, так век из дерюжной обуви не вылезешь, — с раздумьем произнес он, отводя свои глаза от насмешливого выражения Прохора Игнатъича в сторону.

— Иного и сукна не наткано ишшо на кафтаны вашему брату... по той вере, што, поколь свет стоит, мужику шелков не потребуется... так точно!.. А вот бери-ко бадейку-то, да и наше с кисточкой... никто за ворот не держит...

— Што ты гонишь-то? Дай одуматься!

— А чего тебе торчать-то без пути... Ведь хмелю у меня не растет, тычин не требуется, а на мой бы ум, коли цену дают, так и брал бы да брал, и меня бы в сердце не вводил, а то ведь... ой!.. смо-отри!.. и того не дам!.. — И он, прищуриив глаза, с злою улыбкой посмотрел на него.

— Куды деться-то?.. — как бы про себя, промолвил мужик, с раздумьем посмотрев в сторону и медленно почесывая в затылке.

— Про то и говорю: приде-ошь!

— О-о-а-ах!.. горе одно!.. Ты подумай, како-во оно!.. Ведь этот бы таперича мед в городе... сколь бы я выбрал, если б по фунтам, а? Да и пудом меньше десяти ни в жисть!

— Кто ж те держит — и вези!.. Это от своей бы прибыли да я б душу заклал!..

— Вези... хе-е!.. Когда уедешь да когда приедешь, а што есть-то станешь?..

— Меду — целый завод, а чего есть, говорит. Сме-ешной ты человек... на диво! и ей-богу!..

— Смейся-а!..

— И ей-богу, смешно... еда самая то-ись... царю лучше не требуется, а ты неуж хлеба хошь?..

— А чего ж?..

— Хе!.. Забавный ты человек!.. Хлеба захотел, так и отдавай — будешь с хлебом, а не хошь — медком пробавляйся!.. На-ко, на-а... ведь тебе не покажи царского-то обличья, год на одной половице протопчешься!.. — шутливо произнес он, вынув и помахивая перед ним, как и перед Захаром, трехрублевой асигнацией.

— Ты с гривной говорил?.. — как-то вскользь заметил тот.

— Ах... чкни... тебя!.. А я думал, ты забыл про нее... ну, ну так и быть, возьми и гривну!..

— А-а... Прохор Игнатъич, и горько, брат... да... н-ну... его!.. — со вздохом махнув рукой, произнес мужик, принимая деньги.

— Што?..

— Ничаво... ешь на здоровье!.. Бе-еда это наша жисть — робишь, робишь за лето-то; на руках мозоли нарастут, не разогнешь; три шкуры с рыла-то слезет, и ей-богу!.. А все без пути... так уж от бога, што ль, оно!..

— Верно!.. Потому предел... и не моги промышлением!.. — назидательно ответил Прохор Игнатъич.

— И все на чужой карман только и робишь, а сам, и ей-богу... хоть умри, а робишь, а-ах!.. Слезы говорить-то!.. — с жестами пояснил он, пряча бумажку в карман.

В это время раздался звон колокола ко все-нощной и звучно прокатился по окрестности... Прохор Игнатъич молча набожно перекрестился три раза и спешно стал прибирать разбросанные гирьки, весы, счеты и мелкий

товар, готовясь закрыть лавочку.

Продавец меда также перекрестился при звуке колокола.

— День-то не выдаючи прошел!.. — заметил суетившийся Прохор Игнатъич, тон которого из дерзко-насмешливого обратился в мягкий и благодушный, точно звон колокола имел смягчающее влияние на его натуру.

— Ноне день-то... покороче... — отозвался тот.

— Особливо в разговорах-то!.. Кому чего, а языку все работа! Струмент-то неломкий, а то бы за день-то, брат, на моем месте... сколь бы на починку вышло...

— Ты и языком робишь, да прибыльно!..

— Ну, прибыль-то как бог даст, болезный: ноне торговля-то со всячинкой... того и гляди, подкуют... Около вашего-то брата ходи да оглядывайся!.. — ответил он, запирая ящик с выручкой, и опустил ключ в карман.

Не прошло и получаса, как Прохор Игнатъич, одетый в зипун тонкого черного сукна, опоясанный алым шелковым кушаком, степенно шел в церковь, вежливо отвечая на поклонны встречавшихся с ним крестьян. Днев-

ные хлопоты в селе давно уже стихли; одетый по-праздничному люд семьями выходил из домов и спешил в церковь; каждый нес в руке свечу, отлитую из свежего воска. Изредка только из какой-нибудь избы еще доносился скрип косаря о сосновые половицы или в низеньком, раскрытом настежь от духоты окошке мелькала стройная, с роскошными упругими формами фигура девушки, только что вышедшей из бани и спешно переодевавшей чистую сорочку или заплетавшей длинную русую косу, которой бы от души позавидовали тщедушные обитательницы салонов.

Церковная паперть пестрела яркими костюмами теснившихся на ней богомольцев; из раскрытых окон церкви несся ладан, далеко распространяя в свежем вечернем воздухе, напитанном ароматами скошенного на лугах сена, свой характерный запах, и среди общего безмолвия стройное церковное пение звонких детских голосов помимо воли порождало при этой обстановке какое-то теплое безыскусственное чувство. Только горькая сиротливая бедность, как бы стыдясь своих запла-танных азамов и шушунов, стояла поодаль, у

церковной ограды, и тихо мелькали тонкие зажженные свечи в руках их.

С закатом солнца кончилась всенощная, и стихло село, чтобы проснуться до зари в светлый праздник. Но далеко за полночь виднелся свет в одном из окон дома Прохора Игнатъича, сводившего счета дневной прибыли. По веселому лицу его и по руке, бойко бегавшей по косточкам счет, можно было догадаться, что день не обманул его ожиданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все включенные в данную книгу рассказы Н. И. Наумова написаны на материале жизни крестьян и рабочих Сибири. Автор родился в Тобольске, служил в Омске и Томске советником губернского правления. Умер в Томске. Писать начал в 1859 году. Печатался в газете "Искра", в передовых журналах: "Современник", "Дело", "Отечественные записки", "Русское богатство".

Рассказы Н. Наумова почти документальны по своей фактической точности. В них, как правило, указаны и местность, где происходит действие, и время.

"Деревенский торгош" напечатан в 1871 году в журнале "Дело" № 4, "Юровая" — в 1872 году в журнале "Дело" № 7 и 11, "Еж" — в 1873 году в журнале "Отечественные записки" № 7

Все три произведения вместе с другими, наиболее острыми по политической направленности, были включены автором в сборник "Сила солому ломит", с подзаголовком: "Рассказы из быта сибирских крестьян", который вышел в 1874 году.

Сборник этот был настольной книгой у деятелей революционного народничества и сыграл большую роль в их агитационной работе среди крестьянства.

Примечания

Бродни — рабочая обувь, которая шилась из сыромятной кожи, иногда с меховым голенищем.

[^^^]

2

Иордан — место для священного купания или крещения. Название идет от реки Иордан.

[^^^]

3

Аналой — столик в церкви для чтения священных книг

[^^^]